

Глава 1.6.

Сэбёк поднялся по лестнице на дрожащих ногах. Мать Сэбёка, потеряв дар речи, схватила его.

— Сэбёк!

Но в этот раз даже Сэбёк не смог сдержаться:

— Нет! Я не пойду! Не хочу! Нет! У меня течка! Я не пойду! Не пойду!

Испугавшись собственного крика, Сэбёк схватился за грудь и попытался отдышаться.

Взглянув на шокированное, застывшее лицо матери, он быстро добавил:

— П-прости, что накричал..Я п-просто отдохну...

Сэбёк порылся в своём ящике и принял горсть подавителей. Звук бешено колотящегося сердца, казалось, отдавался эхом в ушах.

Сэбёк натянул одеяло на голову и закрыл глаза.

Он отчетливо чувствовал, как что-то стекает по ложбинке между ягодицами. Влажное ощущение и спереди, и сзади было настолько ужасным, что Сэбёк стиснул зубы.

Ожидая, пока подействует лекарство, Сэбёк прокручивал в голове математические формулы и английские слова.

Мысленно продекламировав около 200 английских слов, он почувствовал, что лекарство подействовало — течка отступила.

Сэбёк внезапно подумал, что сегодняшний позор был не просто из-за того, что он не принял лекарство, а из-за Кон Пёнхва, который должным образом не сдерживал свои феромоны.

Омег и альф никогда не определяют в один класс.

Но так как говорят, что ты ничем не отличаешься от беты, если правильно принимаешь лекарство, родители Сэбёка и сам Сэбёк не разглашали тот факт, что он пробудился как омега.

Все делали это тайно.

Зная, что рядом нет никого, на кого могли бы повлиять его феромоны, и входя в состояние крайней концентрации на экзаменах, можно неосознанно выпускать феромоны. Так что это была не вина Пёнхва. Однако Сэбёк был слишком подавлен, чтобы мыслить рационально.

Он просто ненавидел Кон Пёнхва.

То, чего Сэбёк мог достичь только ценой максимальных усилий, и чего теперь никогда не сможет достичь, даже если переродится, Кон Пёнхва достиг без каких-либо затрат.

Это было несправедливо.

Он ненавидел и имя Пёнхва. Что в нём было мирного или справедливого? Он ненавидел всё.

Сэбёк задремал, проклиная Пёнхва даже в наркотическом состоянии.

Когда он снова открыл глаза, было 2 часа ночи.

Проспав целых 12 часов, Сэбёк удивился и сел за письменный стол. Привыкая к уже знакомой головной боли, он взял механический карандаш.

Заполнив тетрадь для ошибок и проработав сегодняшние листы с задачами, он сильно проголодался.

Сэбёк спустился на кухню, чтобы быстро перекусить.

Он достал кусок хлеба и засунул его в рот. Когда он собирался вернуться в свою комнату, он увидел свет, просачивающийся сквозь щель двери кабинета, и изменил направление.

В кабинете отец Сэбёка вздыхал и непрерывно пил крепкий алкоголь.

Видя горькую спину отца, Сэбёк тихо вернулся в свою комнату.

Чувствуя вину, даже кусок хлеба было трудно проглотить.

В конце концов, поперхнувшись половиной куска хлеба, Сэбёк, вцепившись в унитаз, долго пытался откашляться.

Несмотря ни на что, Сэбёк увеличил дозу лекарства.

Если бы он сказал Кон Пёнхва сдерживать свои феромоны, тот наверняка спросил бы, не обладает ли он тоже особой чертой, и тогда его статус омеги был бы раскрыт, так что он не мог противостоять Пёнхва.

Это означало лишь немного больше головной боли и немного больше сонливости. Просто нужно было немного больше терпеть.

Шин Сэбёк колот себя карандашом в пальцы, чтобы не заснуть.

Он должен был победить на этом выпускном экзамене.

Он хотел избавить отца от вздохов, а мать от тревог.

Кон Пёнхва, который победил Шин Сэбёка в учёбе, получил небывалое гостеприимство.

— Наш сын вернулся?

Впервые в жизни победа Пёнхва была отпразднована всей семьёй.

Его семья была небывало добра. До какой степени? Даже этот раздражающий гад — нет, мамин сын — нет, Кон Чон говорил голосом, который обычно приберегал для своей девушки.

— Эй, Пёнхва, есть что-нибудь, чего ты хочешь? Может, брат тебе купит? Только скажи.

«Чего он бесится...»

И это было не всё.

Кон Саран, которая была такой же грубой, как Кон Чон, называла его «Оппа» вместо «Эй».

— Оппа. Ты занял первое место.

Было жутко.

Хотя от ледящих душу выходок семьи его передёргивало, он также почувствовал горечь от подтверждения того, что его ценность действительно заключалась в победе над Шин Сэбёком.

— Вам не обязательно так делать. Я буду учиться.. Этот скромный сын обещает быть верным своему долгу...Так что не могли бы вы дать мне немного пространства, чтобы учиться по ночам?

Глаза семьи беспокойно забегали в ответ на слова Пёнхва. Это была неожиданная реакция.

Наконец Кон Чон не сдержался и хлопнул Пёнхва по спине, рывкнув:

— Эй! Ты съел что-то не то? Выплюнь! Выплюнь!

— Эй! Пёнхва, тебя что, дети в школе задирают? А? Мне с ними разобраться?

— Да просто взбунтуйся уже!

— В чём проблема? Это пубертат?

Воодушевлённый горячей поддержкой семьи, Пёнхва собрался с духом и раскрыл свои внутренние мысли.

На это, начиная с Кон Чона, затем Кон Саран и их мать разразились смехом, держась за животы.

Только его отец, потрясённый тем, что его второй сын, который выглядел точно как он, мог быть таким глупым, не мог ничего сказать.

Разозлившись, что его мучительные переживания, которыми он поделился, высмеивают, Пёнхва пнул диван и устроил всяческие истерики.

Ровно через 10 минут все недоразумения были разрешены, и Пёнхва пошёл в спальню и пнул своё одеяло.

На следующее утро каждый член семьи Пёнхва положил его любимые гарниры в его миску с рисом.

Вынужденный есть пибимпаб с утра, Пёнхва неохотно жевал рисовые зёрна с надутым лицом.

— Как вообще нужно мыслить, чтобы додуматься до такого...

— Молчи. Нашему чистокровному второму сыну семьи Кон стыдно.

Папа.

Прежде чем Пёнхва успел открыть рот, его мать сказала:

— Я десять месяцев, пока ты был у меня в животе, ела только манго, киви, ананасы, бананы и персики, думая, что ты будешь девочкой, но как только у тебя выросли молочные зубы, ты ел только мясо, мой драгоценный малыш. Быстро завтракай и иди в школу.

Лицо Пёнхва сильно покраснело.

«Это унизительно...»

Пёнхва, краснея, доедал свой рис.

Пиная одеяло всю ночь, оно истрепалось, но на душе у него стало спокойно.

Теперь ему не нужно было отчаянно учиться, чтобы победить Шин Сэбёка. Почему? Потому что он не был противовесом Шин Сэбёку, он был просто би.о.ло.ги.че.ским.сы.ном!

— Ха-ха.

Но это не значило, что он собирался забросить учёбу. В конце концов, побеждать Шин Сэбёка было захватывающе.

—

— Эй, когда я смогу уйти? Это называют разговорным адом?

— Эй, дальше начинается самое милое. Послушай.

— Мне плевать, мило это или нет, но я могу сказать, что ты был глупым. Как ты вообще стал лучшим учеником в школе с такой головой?

Это было вредное влияние зубрёжки.

— Наша Исылъ слушает, знаешь ли? Не мог бы ты следить за языком?

—...Извини.

Но то, что ты меня раздражаешь, это не проблема? Чон Сону почувствовал, как что-то горячее поднимается от груди.

— Я, будучи хорошим человеком, приму эти извинения от имени нашей принцессы. Наша принцесса ещё слаба в разговоре.

— Дело не в разговоре, она прямо сейчас даже слушать не может. Она спит.

— Хватит английского. Это Корея.

Чон Сону, ошеломлённый Патриотом Пёнхва, снова упустил свой шанс сбежать.

— Да, если подумать сейчас, это так. Корея, первый класс старшей школы, выпускные экзамены первого семестра — это было началом нашей любви.

—

Жара была невыносимой.

Это было лето, когда цикады демонстрировали свою бесполезность, и ежедневно фиксировались рекордные волны тепла.

Хотя август, пик лета, был ещё впереди, в начале июля, которое безжалостно изнывало от зноя, ученики готовились к бунту.

Это потому, что кондиционер в классе сломался за неделю до выпускных экзаменов.

Держать учеников-подростков взаперти в классе только с открытыми окнами — такого не стоило делать ни с учителями, ни с учениками.

На переменах в школьном буфете шла война за мороженое и холодные напитки.

— Это неразумно.

— Это несправедливо.

— Это неправильно.

Урок длился 50 минут, перемена — 10 минут.

Употребление холодной пищи в течение 10 минут не давало достаточной прохлады, чтобы выдержать 50 минут.

— Чон Сону, который не поступил в научную старшую школу.

— Это сыпанье соли на рану? Ты ищешь ссоры? Объявляешь конец нашей дружбы?

— Давай разберём наш кондиционер.

Ты что, с ума сошёл? Что ты, сумасшедший, хочешь делать? Глаза Чон Сону и окружающих его одноклассников обратились к Пёнхва. Глаза Пёнхва были совершенно безумны. Он не выглядел как человек, с которым можно договориться.

В конце концов, класс, страдающий от жары, восстал — но не с бунтом, а с крестовыми отвёртками в руках.

Несколько человек стояли на страже, в то время как некоторые другие обмахивали Пёнхва и Чон Сону веерами с отчаянными молитвами.

<http://bllate.org/book/17004/1578831>